

Павел Завальный: «Необходимы совместные усилия, чтобы балансировать рынок»

Пандемия коронавируса нанесла тяжелый удар по мировой экономике, в том числе и по нефтегазовому комплексу. Ситуация усугубилась тем, что страны-участницы сделки ОПЕК+ лишь со второй попытки смогли прийти к новому соглашению, а до его заключения нефтяные котировки успели обновить многолетние минимумы. Как эти события отразятся на отечественной нефтяной и газовой промышленности и каковы основные стратегические приоритеты ее развития? Об этом «Нефтегазовая Вертикаль» беседует с Председателем Комитета Государственной Думы по энергетике, Президентом Российского газового общества ПАВЛОМ ЗАВАЛЬНЫМ.

Ред.: Павел Николаевич, в последнее время много говорится о перспективах так называемого энергетического перехода, в процессе которого углеводородное сырье будет замещаться альтернативными источниками. Как вы оцениваете перспективы такого перехода и как скажется на нем нынешний кризис?

П.З.: Этот переход начался уже более 15 лет назад на фоне высоких цен на углеводороды. Вы помните, что цена барреля нефти достигала значений порядка \$115–120 и более. Такие высокие котировки стали стимулом для расширения использования альтернативных источников энергии, в первую очередь энергии солнца и ветра.

Страны Запада (или, в более широком плане, государства-участники ОЭСР) не могут обеспечить развитие своей экономики достаточным объемом собственных энергоресурсов. И поэтому мир условно поделится на потребителей энергоресурсов, к которым относятся все развитые западные страны, и производителей, к числу которых принадлежат Россия и другие развивающиеся государства, формирующие свои бюджеты за счет экспорта углеводородов. И Запад, понимая свою возрастающую зависимость от импорта энергоносителей, принял стратегическое решение по развитию ускоренными темпами альтернативных технологий. Тем более что цены на углеводороды стимулировали данный процесс.

В результате сегодня мы имеем то, что имеем – в ряде стран возобновляемые источники (прежде всего, ветровая офшорная генерация и солнечная) по цене вырабатываемой электроэнергии абсолютно конкурентоспособны по сравнению с производством электроэнергии на основе углеводородного сырья. И по мере совершенствования технологий их конкурентоспособность будет повышаться. Таким образом, осуществление энергетического перехода – это лишь вопрос времени. Пока неясно, насколько он растянется – на 20, 30 или на 50 лет? Но все равно это случится, тенденция очевидна, и к этому надо быть готовыми.

К тому же развиваются технологии ядерной энергетики. Сегодня основная проблема ядерной энергетики, кроме решения вопросов безопасности, это что делать с ядерными отходами от работы тепловых реакторов. Она до сих пор эффективно не решена. Вы знаете, что Россия первой в мире реализовала технологию так называемого замкнутого ядерного топливного цикла. Она заключается в том, что помимо АЭС с тепловыми реакторами, строятся также АЭС с реакторами на быстрых нейтронах (условно по одному на каждые три тепловых), где после фабрикации происходит «дожигание» ядерного топлива от тепловых реакторов. Планируемый конечный результат: радиационный фон отходов, которые образуются на выходе из реактора на быстрых нейтронах, будет не выше, чем у ядерного топлива в момент его добычи.

Еще одна перспектива человечества – термоядерные реакторы. Уже к 2025 году, в рамках реализации проекта ИТЭР, в котором Россия также принимает участие, планируется получить первую плазму и начать опыты с ее удержанием. А первый промышленный термоядерный реактор, согласно прогнозу, будет запущен к 2040–2050-м годам. Это даст человечеству нескончаемый источник чистой энергии.

Вместе с тем доля ВИЭ в глобальном энергобалансе будет расти не столь быстро в связи с увеличением общего спроса на энергию. Индикатором развития любого государства является как раз динамика потребления энергоресурсов (конечно, с учетом достигнутого уровня энергоэффективности). К примеру, если в среднем по миру на одного человека приходится около 2,8 тонн нефтяного эквивалента в год, то в США этот показатель достигает 11 тонн, в Евросоюзе – 8 тонн, в нашей стране – чуть меньше 5 тонн. В развивающихся же странах среднестатистическое потребление гораздо ниже. Но по мере его роста и приближения к уровню развитых государств спрос на энергию в целом будет увеличиваться. По оценке экспертов, только к 2040 году он вырастет примерно на 30%.

На фоне такого увеличения спроса на энергию в целом будет расти и потребление углеводородного сырья. Сегодня его доля в глобальном энергобалансе составляет около 54%, и вряд ли к 2040 году она снизится более чем на 2–3%. Однако при этом произойдет перераспределение долей между различными видами УВС. Так, доля нефти будет уменьшаться (с нынешних 32% до, возможно, 26%), а доля газа будет увеличиваться (с 22 до 25–26%). Это связано с тем, что газ в качестве топлива для электрогенерации является более экологичным по сравнению с углем и мазутом. Ожидается, что спрос на него будет расти темпами более 1% в год.

Таким образом, еще раз подчеркну, энергетический переход уже идет, а его темпы будут зависеть от стоимости углеводородов и угля. На пик потребления нефти и угля мировая энергетика еще не вышла, но в ближайшие десятилетия этот пик будет достигнут по обоим видам энергоресурсов. Возможно, через 20–30 лет мы достигнем и пика потребления газа (то есть сначала выйдем на пик потребления угля, потом нефти, потом газа). В этом нет ничего страшного, это нормально, естественно. Но мы должны к этому подготовиться. Сейчас российская экономика и государственный бюджет в значительной мере зависят от экспорта углеводородов и угля, и нам, безусловно, надо снижать эту зависимость.

Ред.: В марте нынешнего года котировки нефти обвалились в связи с последствиями пандемии коронавируса и прекращением действия сделки ОПЕК+. 9 апреля сделка ОПЕК+ была возобновлена, но ее влияние на рынок пока неочевидно. Как, по вашему мнению, все эти события могут отразиться на состоянии мировых нефтяных и газовых рынков?

П.З.: Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что либеральная, чисто рыночная модель развития мировой экономики, как мне кажется, заходит в тупик. Невозможно строить всю нашу жизнь только на ценностях общества потребления. Такой подход всё больше и больше входит в противоречие с общечеловеческими ценностями, с вопросами сохранения окружающей среды, планетарной экосистемы. Поэтому и отдельным государствам, и мировому сообществу приходится всё основательней вмешиваться в эти процессы. Возникший в начале нынешнего года кризис лишь обострил эти давние проблемы, обозна-

чил необходимость регулирования экономики – скажем так, нерыночными методами – с целью достижения определенных целей, важных для всего человечества.

Подобная практика не нова. Вспомним ту же альтернативную энергетику.

Ради снижения вредных выбросов в атмосферу многие государства субсидируют производство энергии на базе ВИЭ, хотя, исходя из чисто рыночных принципов, им было бы выгоднее использовать более дешевые источники – к примеру, уголь или газ. Но они предпочитают более «чистые» солнце и ветер. Хотя, если честно учесть углеродный след от производства оборудования для ВИЭ, с их экологичностью не все так радужно.

Нечто подобное происходит и теперь. Объединение государств пытается регулировать нефтяной рынок нерыночными методами. Как мы знаем, ОПЕК – это своего рода картельная организация. На разных этапах своего существования она обеспечивала сначала 50% глобальной нефтедобычи, потом 40%, а сейчас ее доля составляет около 30%. И она всегда пыталась влиять на ситуацию на рынке, на баланс спроса и предложения и тем самым регулировать цены. Сегодня идет расширение этого объединения в формате ОПЕК+. Всё больше стран на фоне кризиса подключается к такому регулированию. Об этом заговорили даже США и другие страны – твердые сторонники либеральной модели рыночной экономики. Все понимают, что необходимы совместные усилия, чтобы балансировать рынок в интересах как производителя, так и потребителя. Эти процессы набирают обороты, и, я думаю, такие механизмы сохранятся и на перспективу.

То же самое происходит и с газовым рынком. Всё большую роль на нем играет созданный несколько лет назад Форум стран-экспортеров газа.

Важно особо подчеркнуть, что регулирование производится в интересах не только производителей, но и потребителей энергоресурсов. При этом производители понимают, что если задирают цены на нефть, то развитие ВИЭ получит новый стимул. То есть обострится межтопливная конкуренция. Иными словами, максимальную цену на углеводороды сегодня определяют не только балансировка спроса и предложения, не желания каких-то стран, а альтернатива в виде возобновляемых источников энергии. А минимальная планка задается себестоимостью добычи, которая колеблется по странам (с учетом различий как в геологических условиях, так и в системах налогообложения и потребностях национальных бюджетов). К примеру, если в России бюджет балансируется при цене \$42/барр, то в Саудовской Аравии – при \$80/барр, в Венесуэле ситуация еще хуже. То есть каждая страна имеет собственные цели и ориентиры, но при этом все понимают, что необходимо регулирование, надо договариваться между собой в интересах как производителя, так и потребителя (чтобы он не отказывался от углеводородов в пользу других источников энергии).

Ред.: Сообщалось о том, что экспортная выручка «Газпрома» в начале нынешнего года существенно сократилась. Является ли это временным явлением или свидетельством начала длительной неблагоприятной тенденции?

П.З.: Еще 10–20 лет назад цена российского газа для европейских потребителей была привязана к цене корзины нефти и нефтепродуктов. И в пересчете на калорию она составляла где-то 80% от стоимости нефти и нефтепродуктов. В последние семь-десять лет, по мере развития рынка газа в Европе и Америке и с началом массового производства СПГ (который сделал рынок по сути глобальным), возникла уже не только межтопливная конкуренция газ – нефть, но и конкуренция газа с газом. Прежде всего, трубопроводного и СПГ. Сжиженный газ, попадающий на спотовый рынок, оказывает понижающее давление на цену. Как следствие, во всё большем числе трубопроводных контрактов на поставку газа присутствует так называемая спотовая составляющая. В долгосрочных контрактах «Газпрома» она сегодня достигает 40% и более. Это уже требования рынка.

Произошли изменения и в сфере производства СПГ. Раньше условием реализации любого нового проекта по сжижению было наличие долгосрочных контрактов на отгрузку как минимум 80% продукции. Теперь же средняя продолжительность контрактов на поставку СПГ не превышает четырех лет. То есть рынок сжиженного газа всё больше превращается в спотовый, и риски реализации проектов СПГ всё больше ложатся на производителя и инвесторов.

Это влияет и на рынок трубопроводного газа. Таким образом, рынок газа становится всё более похожим на рынок нефти. И здесь, как я уже упоминал, формируются собственные механизмы регулирования, происходит объединение усилий производителей с целью балансировки спроса и предложения, чтобы не было большой волатильности котировок как на глобальном рынке в целом, так и в отдельных регионах.

Ред.: *Продолжается санкционная война вокруг проекта «Северный поток-2». Как вы оцениваете перспективы завершения этого проекта? Может ли пандемия коронавируса подвинуть наших контрагентов к смягчению их позиции по данному проекту и к отмене санкций?*

П.З.: Я сомневаюсь, что санкции будут отменены. Санкции – это инструмент США, применяемый для сдерживания развития экономик отдельных стран или целых регионов. И если в доктрине безопасности Соединенных Штатов написано, что Россия является потенциальным противником, то против нее будут применяться различного рода санкции, независимо от ситуации вокруг Украины или прочих обстоятельств. На мой взгляд, сама проблема с Украиной была создана именно для сдерживания России. Эти ограничительные меры будут направлены именно против тех отраслей и секторов, где Россия имеет наибольшие ресурсы и потенциал для развития. А повод всегда найдется... Поэтому не надо надеяться, что на фоне пандемии коронавируса будут отменены санкции против «Северного потока-2» или Южно-Кириинского месторождения, или освоения Арктики.

Санкции – это вызов. Как гласит известная поговорка, всё, что не убивает, делает нас сильнее. Подобные ограничительные меры – стимул для нашей экономики, в том

числе для нефтегазового комплекса. Сегодня всё больше и больше набирает обороты программа импортозамещения. Если раньше приходилось директивно заставлять компании этим заниматься, то сегодня никого уговаривать не надо. Все понимают, что следует полагаться только на собственные силы.

Таким образом, санкции против России были, есть и будут во все времена – это однозначно. И надо исходить из этой ситуации, принимать ее как данность и больше надеяться на свои силы, развивать собственные технологии и компетенции.

Что же касается непосредственно «Северного потока-2», то «Газпром» еще много лет назад предвидел возможность подобной ситуации. Поэтому заказал и построил судно-трубоукладчик «Академик Черский». Оно многофункциональное – способно не только трубы класть, но и проводить геологоразведку, бурение скважин. Я уверен, что «Академик Черский» после необходимых доработок сможет завершить реализацию этого проекта.

Ред.: *В последние годы Россия значительно укрепила свои позиции на глобальном рынке СПГ. Какие перспективы вы видите на этом направлении? Изменятся ли они с учетом сегодняшней ситуации?*

П.З.: Перспективы российского сжиженного газа, как и любого СПГ, – очень хорошие. С одной стороны, на рынке СПГ наметились такие негативные факторы, как перепроизводство и большое количество проектов. С другой стороны, эти же самые факторы можно расценивать и как позитивные. Многие потребители (страны, регионы), видя наличие множества проектов и рассчитывая на обилие предложения сжиженного

газа, не боясь закладывать в свои энергостратегии опору именно на СПГ. Таким образом, нынешнее избыточное количество проектов стимулирует потребителя ориентироваться в средне- и долгосрочной перспективе на сжиженный газ как на основной энергоресурс. Это, в первую очередь, касается стран АТР, где будет развиваться основной рынок сбыта СПГ.

В России имеется большая ресурсная база для производства СПГ. У нас есть множество крупных месторождений, которые удалены от существующей трубопроводной инфраструктуры и в ближайшей перспективе вряд ли будут востребованы для обеспечения энергообеспечения нашей страны (я говорю, прежде всего, об арктических месторождениях). Наиболее целесообразный и эффективный способ монетизации их запасов – получение СПГ. Поэтому проекты НОВАТЭКа реализуются именно в Арктической зоне, откуда сжиженный газ можно транспортировать как в Европу, так и в страны АТР. При этом решается еще одна важнейшая государственная задача – развитие Северного морского пути. Я считаю, что подобные проекты надо поддерживать.

Было бы здорово, если бы СПГ-проектами более активно стали заниматься наши ведущие нефтегазовые компании, такие как «Газпром», «Роснефть», ЛУКОЙЛ. Конечно, задача государства – обеспечить им такую возможность. Недавнее принятие закона о расширении ресурсной базы экспорта дает новые возможности, позволит начать осуществление проектов «Арктик СПГ 2», «Обский СПГ», проектов освоения еще нескольких месторождений газа в российской Арктике. Это обеспечит не только увеличение производства и экспорта россий-

ского СПГ, но и создание терминалов по перевалке СПГ на Камчатке и в Мурманской области, возможность газификации этих регионов и арктических территорий. Также это позволит развивать бункеровку морских судов СПГ, что особенно важно для хрупкой экологии в зоне Северного морского пути. Увеличение грузооборота по нему за счет СПГ может составить до 55% от 80 млн тонн к 2024 году, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года.

Новые проекты СПГ в Арктике будут на 80% укомплектованы российским оборудованием и технологиями, что означает освоение новой технологической ниши, что очень важно. Также реализация этих проектов позволит создать порядка 90 тыс. рабочих мест, даст загрузку 800 российским предприятиям на 10 лет вперед, новые налоговые поступления в федеральный и региональный бюджеты.

При этом мы должны понимать, что СПГ приходит на спотовый рынок. А значит, он толкает цены вниз и возникает ненужная нам конкуренция между сжиженным и трубопроводным газом. К примеру, сегодня поставки «Газпрома» обеспечивают 36% от общего потребления газа в Европе. И понятно, что появление на этом рынке дополнительных объемов газа в виде СПГ – неважно, российский ли он, американский, катарский и т.д. – приводит к снижению цен. Поэтому мы должны стараться максимально исключать эту конкуренцию, если потребуются – даже в ручном режиме...

Ред.: Важнейшей задачей остается повышение уровня газификации российских регионов. Как вы оцениваете ход этого процесса? Нужны ли здесь дополнительные меры государственного регулирования и стимулирования?

П.З.: Вся нормативная база для газификации регионов Российской Федерации уже создана. И многие субъекты РФ, которые имеют больше возможностей и целенаправленно этим занимались, данную проблему уже решили. Возьмите, к примеру, Татарстан, который газифицирован практически на 100%.

Что ограничивает газификацию? То обстоятельство, что за нее отвечают, согласно имеющемуся распределению ответственности, сами регионы. А у нас всего 10–12 регионов – профицитные, в то время как все остальные – дефицитные, зависящие от финансовых поступлений из федерального бюджета. Понятно, что у региона не всегда есть средства на газификацию. А если закладывать ее стоимость в цену газа (в виде инвестиционной надбавки), это будет сдерживать темпы развития экономики. Такую меру могут позволить себе только наиболее промышленные развитые регионы.

К примеру, Тюменская область ввела надбавку в 25% и тем самым сформировала источник финансирования газификации. Кроме того, в данном регионе упростили механизмы реализации инвестиционных проектов по газификации, перешли на более дешевый ресурсный метод формирования стоимости строительства, субсидируют для населения подключение и в итоге получили эффект в виде высоких темпов газификации.

Но не все регионы в состоянии это сделать. Зачастую их экономика недостаточно развита и основным потребителем газа является население, для которого установлена регулируемая цена на газ. В результате возникает так называемая проблема последней мили. То есть газ в регионе есть, но мы не можем доставить его потребителю. Доходы населения низкие, а стоимость подключения одного домовладения доходит до 70–100 тыс. рублей.

Поэтому надо искать источник финансирования – перекладывать всю работу на «Газпром» просто невозможно. Задачи «Газпрома», прежде всего, – добыча и магистральный транспорт газа, подача газа до населенных пунктов. А пресловутая последняя миля находится в зоне ответственности региональных и муниципальных организаций и власти.

В советское время существовала компания «Союзгазификация», которая владела всеми газопроводами низкого давления страны. Но она была приватизирована, что, на мой взгляд, было большой ошибкой. В результате у нас сейчас действует более 200 региональных газораспределительных организаций (ГРО), и только в примерно 80 из них присутствует «Газпром» (а в 40 с небольшим он имеет долю более 51%). Поэтому «Газпром» подчас просто не может инвестировать средства в развитие системы газораспределения.

Возьмите ту же Московскую область, где жители нередко жалуются на недостаточный уровень газификации, высокую стоимость подключения к газу и, как правило, упрекают в этом «Газпром». Но «Мособлгаз» – это на 100% собственность Московской области. И каким

образом «Газпром» может финансировать процесс газификации, если у него нет даже 1%-ной доли в региональной ГРО?

Поэтому надо либо идти по пути либерализации ценообразования на газ и закладывать в эту цену источники финансирования газификации, либо же искать другие возможности инвестирования, в частности – из бюджетных средств. Если мы действительно хотим ускорить темпы газификации, надо принимать соответствующую государственную программу, в рамках которой направлять деньги из федерального бюджета на поддержку тех территорий, у которых нет собственных источников. Или же это может быть национальный проект, но обязательно с финансированием из госбюджета.

Ред.: *Сейчас активно обсуждаются перспективы освоения углеводородных ресурсов Арктики, в частности в контексте мегапроекта «Восток Ойл» компании «Роснефть». Как вы оцениваете перспективы освоения месторождений Арктики в свете нового ценового кризиса на мировом нефтяном рынке?*

П.З.: Как я уже упоминал, сегодня основным конкурентом углеводородов и угля являются возобновляемые источники энергии. Поэтому компании при разработке стратегии своей инвестиционной деятельности должны понимать перспективы развития ВИЭ в мире, оценивать себестоимость производства энергии на их основе и уже исходя из этого просчитывать экономику своих проектов. Что же касается Арктики, то там есть еще одна особенность – очень хрупкая, экологически ранимая природа.

И компании, разворачивающие деятельность в данном регионе, обязаны четко осознавать эту ответственность. Для того чтобы работать в Арктике, нужны ультрасовременные технологии – отечественные или иностранные. Но Запад, как я уже отмечал, ограничивает доступ России к передовым технологиям. Хотя освоение Арктики, на мой взгляд, нужно не только нашей стране, но и всему миру.

Таким образом, прежде чем принимать инвестиционное решение, надо проанализировать перспективу. Тут каждая компания вправе сама принимать решение, но это не отменяет необходимости государственной политики в данной сфере. Сегодня государство в той или иной форме стимулирует реализацию арктических проектов. Возьмите, к примеру, те же СПГ-проекты, которые осуществляют НОВАТЭК и его партнеры. Государство предоставило им широкий набор льгот по уплате таможенной пошлины и НДС (в обоих случаях ставка – 0%), по налогам на прибыль и на имущество, на срок окупаемости.

Извлекаемые углеводородные ресурсы Арктики оцениваются в 100 млрд тонн нефтяного эквивалента, при этом около 80% из них приходится на газ. Поэтому мы должны стимулировать наши компании к тому, чтобы заниматься разведкой и разработкой этой богатейшей ресурсной базы. Но, повторюсь, в то же время мы обязаны учитывать окупаемость этих затрат и для компаний, и для государства, имея в виду нарастающую конкуренцию со стороны ВИЭ.

Ред.: *Сегодня в мировом НГК активно внедряются новые технологии, прежде всего цифровые. Ускорится ли этот процесс в нынешних условиях? Нуждается ли процесс цифровизации отечественного нефтегазового комплекса в дополнительных мерах государственного стимулирования?*

П.З.: Сегодня само государство показывает пример цифровизации. Не случайно правительство возглавил Михаил Мишустин, бывший руководитель Федеральной налоговой службы. Именно он с помощью цифровых технологий резко повысил эффективность налоговой системы нашей страны, ее прозрачность, достоверность, доступность для граждан и бизнеса. Сегодня, чтобы заплатить налоги, надо потратить всего несколько минут. Я сам в 2000-х годах с ужасом ждал конца года, потому что надо было снова идти в налоговую, стоять в очереди днями, заполнять декларации, выверять каждую цифру, потом что-то доплачивать и т.д. Теперь же благодаря цифровым технологиям это самая простейшая операция по телефону.

Цифровые технологии повышают эффективность государственного управления страной и экономикой, позволяют обеспечить эффективность адресной социальной помощи населению, что очень важно для продолжения реформ в энергетике и экономике. Они дают просто сумасшедший эффект для целых отраслей экономики. Это все равно, что пересесть с «Запорожца» на «Мерседес». С помощью цифровизации мы можем совершить прорыв в развитии нашей страны.

Возьмем для примера сетевой энергетический комплекс. Сегодня там идет масштабная цифровизация. В результате технологические и коммерческие потери снижаются в некоторых случаях до 50%. Мне приходилось беседовать с представителями итальянской компании Eni – по их оценкам, только создание системы интеллектуального учета на базе цифровых технологий обеспечило снижение затрат на 25%. А ведь речь идет об Италии, с ее более развитой экономикой и энергетикой. Думаю, в нашей стране, где пока имеется много недостаточно эффективных систем, результат будет еще выше.

В сфере нефтедобычи яркий пример преимуществ цифровых технологий – создание так называемых умных месторождений. Благодаря им каждый пласт, каждая скважина эксплуатируются в оптимальном режиме, что позволяет увеличить нефтеотдачу и сократить операционные затраты. Прибегну тут к еще одному сравнению. Незрячий человек действует на ощупь, но если его вылечить или надеть очки, он уже не тыкается как слепой котенок, а четко идет к своей цели.

Кстати, пандемия коронавируса также стимулирует развитие цифровых технологий – за счет создания удаленных рабочих мест. Людям теперь не надо тратить время на дорогу, они могут работать из любой точки, где есть компьютер и интернет. Такой подход будет повышать операционную эффективность компаний, особенно в сфере услуг. Будет расти производительность человеческого труда, а следовательно, экономика страны в целом. Поэтому я считаю, что цифровизация сулит нам большой прорыв.